
«ДЕДУКТИВНЫЙ СПОСОБ» ПОЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ ДЕТАЛЕЙ «ДОСТОЕВСКОГО» ТЕКСТА (к проблеме преподавания русской литературы как «неродной»)

Л.Е. Хворова

Кафедра русского языка как иностранного
Институт филологии
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ул. Интернациональная, 33, Тамбов, Россия, 392000

В статье предпринимается проверка методом дедукции функционирования деталей «биографического автора» в едином пространстве художественного — конкретно «достоевского» текста. Данная методика выражает оригинальную идею о существенной роли биографического метода литературоведения как «основания» в процессе дедуктивного поиска ключевых поэтико-психологических особенностей, определяющих как содержательную, так и формальную составляющую того или иного литературного текста как целостного духовно-культурного феномена.

В процессе рассуждений осуществляется междисциплинарный синтез — риторики, литературоведения, психологии и в некоторой степени медицины, а также методики преподавания русской литературы в иностранной аудитории у носителей иной культурной ориентации.

Ключевые слова: дедукция, аргументация, текст, аксиома, обобщение.

Как известно, в состав дедукции входит несколько элементов: положение, из которого делается вывод, называемый основанием; процесс выведения из основания мысли, в нем заключенной, и, наконец, вывод или мысль, добытая из основания и поставленная как отдельное положение. Есть самоочевидные истины (аксиомы) и обобщения, приобретенные опытным путем (назовем его дедуктивным поиском). В данном случае для нас важно, что процесс выведения уточняет характер основания, из которого логически вытекает вывод. Особенно продуктивным опыт проверки представляется в аудитории, где русская литература не является «родной», поскольку восприятие именно таких представителей в несравненно меньшей степени попадает в зависимость от уже хорошо известного исследовательского материала и, увы, зачастую неточного или даже искаженного. В нашем случае мы попытаемся осуществить поиск тождественности в направлении от «частного» к «общему».

Биографический метод литературоведения, который в нашем варианте рассуждений будет исполнять роль некоего «стимулятора» в процессе дедуктивного поиска или основания, в истории литературоведения получил популярность и широкое распространение в первой половине XIX столетия. Его создателем считается французский поэт-романтик Шарль Сент-Бёв. Доминанта исследовательских задач Сент-Бёва и его сторонников заключалась в том, что каждый конкретный художник слова — это неповторимый феномен, а его творчество — результат и выражение его личности, его психологических особенностей, заложенных воспитанием, образованием, семейным, общественным бытием. Поэт подчеркивал, что особую роль в данном случае играет психологический аспект. Изучив обстоятельства личной жизни писателя, исследователь прослеживает его самовыражение в произведении.

В этом, если быть кратким, состоит классический контур концепции. Предмет нашего исследования — поиск значимых контуров личности и обстоятельств личной жизни писателя и его самовыражение в едином синхронном «достоевском» тексте.

При дедуктивном выстраивании производится поиск духовных сверхтекстовых деталей в синтезе с психологическими, отчасти медицинскими элементами анализа.

В виде частной тезы представим общеизвестные факты.

Особенности воспитания в семье, бытовые отношения между родителями отцом и матерью — и детьми, равно как и генетические особенности, фундаментально формируют контуры личностных качеств подростка, а затем и взрослого человека.

В семье Достоевских был чрезвычайно сложный отец — раздражительный, вспыльчивый и замкнутый, угрюмый, вместе с тем болезненно ревнивый, страдающий хроническим алкоголизмом. Безосновательно ревновавший жену, он был жесток и страшен в пьяном гнев. Общеизвестно также, что сын отца не любил и даже желал ему чуть ли ни смерти. Кроме того (имеем в виду медицинскую составляющую), отец обладал патологическими чертами характера. У него признавали эпилептоидную психопатию и, как следствие, ту самую патологическую ревность, взрывчатость, угрюмость, жестокость, педантичность, неожиданную и немотивированную сентиментальность, приступы тоски и склонность к патологическим опьянениям. Ученые давно заметили, что черты своего отца, а главное, отношение к нему детей, вплоть до желания смерти, легло в основу сюжета романа «Братья Карамазовы».

В противоположность отцу мать была тихой и смиренной, глубоко религиозной женщиной, женщин такого типа принято называть олицетворением живой веры. Ее живая вера сочеталась с глубокой эрудицией; она была талантливой, одаренной, высокой ценила русскую литературу, особенно Пушкина и Жуковского, пела, рисовала, сочиняла. Сила духа, духовная величественность и чистота, при этом интеллектуальность и образованность сочетались в ней с глубокой чувственностью, восприимчивостью, способностью сострадать и сопереживать. Достаточно обратить внимание на некоторые строки из ее письма к мужу, которого она, несмотря ни на что, глубоко, преданно и смиренно любила.

Примечателен был и стиль воспитания в семье Достоевских. Он соединял, казалось, несоединимое — суровую требовательность со стороны отца, вызывающую детский страх и ужас, причем страх в основном вызывался не столько конкретными безобразными поступками отца (кстати, по отношению к матери, а не к детям; телесные же наказания детей в этой семье не применялись), сколько их постоянным ожиданием. Отец преподавал детям латынь, во время уроков они должны были все время стоять. Начальное образование дети получали от матери, читать учились по иллюстрированному Ветхому и Новому Завету. Особое внимание уделялось значимости звучащего слова и бережному отношению к нему. По праздникам детей часто водили в церковь, широко практиковалось семейное чтение. Следует подчеркнуть, что, несмотря на жестокость отца, его влияние на воспитание детей не было однозначно негативным. Семейство Достоевских не было

«случайным», и оно держалось во многом на упомянутых высокодуховных качествах матери, ее умении прощать и, страдая, терпеть и любить.

Еще одной важной особенностью детских лет будущего писателя являлись его частые встречи в парках больницы для бедных, где служил врачом его отец, с мучающимися от тяжелых недугов людьми. Чувство сострадания к бедным, больным людям, по признанию исследователей, побудило молодого писателя к созданию первых своих литературных произведений (в частности, романа «Бедные люди») именно о них.

В качестве общего вывода в процессе нашего дедуктивного поиска выдвинем следующие аргументации.

Если согласиться с тезисом немецкого психолога и педагога Шарлотты Бюллер (хотя, конечно, и не только ее) о том, что взрослый человек повторяет в своей жизни в расширенном и углубленном виде пережитое в детстве, Достоевского как личность и как писателя во многом сформировала его семья.

Формирование личности будущего великого писателя происходило в глубоком синтезе порою несовместимых, взаимоисключающих качеств. Несмотря на многие весьма сложные, неоднозначные черты характера, сформированные в Достоевском-подростке, следует выделить то главное, что стало определяющим в его личности и творчестве.

Будучи еще совсем молодым, он твердо понимал, что именно является благом, а что грехом. Не случайно позже в его дневниках и произведениях довольно часто доминировала мысль, что не столько страшен грех сам по себе, сколько отсутствие понимания, что это грех. Самым психологически сложным духовным испытанием для Федора Михайловича, на наш взгляд, было осознание своей нелюбви и даже неприязни к отцу, которые он, тем не менее, считал великим грехом, искупление которого прошло через всю его жизнь. Думается, что молодого писателя потрясла не столько смерть отца, которого убили при загадочных обстоятельствах, сколько фатальное совпадение этого с тайным, едва ли до конца осознаваемым желанием. Данные соображения корректируют расхожую литературоведческую мысль о Дмитрие Карамазове. Согласно данным рассуждениям, Дмитрий пошел на какому-то все же не безвинно, поскольку преступно не только деяние, но и преступна мысль, ибо именно она есть начальная ступень преступления, совершенное преступление всегда производно от продумывания или мысленного желания. Это не могло не мучить Достоевского всю жизнь и одновременно вело его к личному преображению и искуплению. Если вспомнить духовные метания Раскольникова, столь подробно и назойливо описанные в «Преступлении и наказании», то совершенно ясно, для чего именно автору понадобилось столь навязчиво муссировать именно зарождение мысли о преступлении, и длительность в данном случае ни в коей мере не является несовершенством композиции, а напротив, вполне структурно оправдана. Затем это становится лейтмотивом в его творчестве. Именно мысль Ивана Карамазова побудила Смердякова к преступлению — отцеубийству. Именно мысль Свидригайлова стала началом катастрофы, случившейся с его женой, а затем и самим героем. Писателю в данном случае даже не важно, кто именно убил его жену, и это остается для читателя тайной. Важно само желание Свидри-

гайлова избавиться от своей жены, что, в свою очередь, стало началом его конца, и вот это как раз для Достоевского и является неизбежностью.

Желание зла ближнему, тем более самому родному человеку логично влечет за собою расплату. Другими словами, каторга Достоевского — великое и неизбежное духовное испытание, являющееся первой ступенью к избавлению от самого страшного греха.

Сложные духовные взаимоотношения со своим отцом, на наш взгляд, отразились и на общем рисунке характера Мармеладова, отца Сони (роман «Преступление и наказание»). Из классического литературоведения общеизвестно, что Мармеладов — прежде всего тип, достойный глубокой жалости и сострадания. Думается, однако, что самое существенное в данном персонаже отнюдь не в этом. На наш взгляд, Достоевский, создавая этот характер, был оригинален прежде всего в том, что, держа в памяти поведение своего отца, он фактически первым в русской литературе акцентировал, что пьянство — это не блажь, не недоразумение и даже не столько болезнь, сколько прежде всего тяжкий грех, ломающий не только свою собственную душу, но и обрекающий на страдание ближних и многократно усиливающий степень греховности. Яркий пример — судьба Сонечки Мармеладовой. Предполагаем, что детская влюбленность в творчество А.С. Пушкина, воспитанная матерью, сострадание к несчастной судьбе простого человека помогла Достоевскому создать некий контрапункт между характером Самсона Вырина («Станционный смотритель») и Мармеладовым. Мармеладов — это как бы перевернутый Самсон Вырин. Первый горячо любит свою дочь и спивается, не выдерживая степени той глубочайшей обиды, которую она ему нанесла. Второй фактически пользуется великой любовью своей дочери и, спиваясь, жесточайшим образом мучает ее, обрекая ее душу на великий грех. В литературоведении этот характер считается одним из самых утонченных, поэтичных. Оснований для этого много, самым существенным из них является тот факт, что Соня, жертвуя собой, обрекая себя на тяжкий грех, фактически спасает своих сестер и братьев от голодной смерти. Попробуем акцентировать в образе Сони то, что акцентировать обычно не принято, не принято до такой степени, что рождает в исследовательских работах последнего времени, на наш взгляд, все же неверные, хотя и привлекательные сентенции.

Сам автор в художественной ткани романа однажды называет свою героиню «блудницей». При всей симпатии к Соне, как автора, так и читателя, она — блудница, а это грех. Но в ней раз и навсегда заложено стремление — любя, спасти ближнего. Она идет на каторгу не только за Раскольниковым; по духовно-нравственной логике это нужно и ей самой, для искупления своих собственных грехов. Психологический рисунок характера Сони представляется гораздо более сложным, чем Раскольникова, так как последний совершает откровенный богопротивный поступок — убийство. Оба героя движутся фактически по одной траектории — первый старается облегчить жизнь матери и сестре, а затем и всему человечеству, вторая — накормить своих домашних. И в том, и в другом случае они идут на духовное преступление. И лабиринт рассуждений ни в коей мере не распутать без пристального внимания к важнейшей части текста «Преступления и наказания» — эпилогу. Не распутать его и без самого текста, без его внимательного прочтения.

Эпилог требует именно «пошагового» чтения, большинство же исследователей руководствуются неким стереотипом и убежденностью, в том, что романы Достоевского можно понять, опираясь только лишь на контуры внешнего, событийного сюжета.

Многие, в том числе один из самых известных и глубоких исследователей творчества писателя К. Мочульский, считают характер Раскольникова статичным, ибо перерождения героя, по его признанию, не было. Согласно этой логике, Достоевскому попросту незачем было писать роман.

По нашему глубокому убеждению, в эпилоге наступает не просто сюжетная развязка, а прежде всего развязка духовно-психологическая. И здесь очень важно обратить внимание именно на «сверхтекстовые» отношения.

Начать, вероятно, следует с того, что необходимо вспомнить уточнение самого писателя — в чем есть основная идея романа. Она объясняется им так: «Идея романа — в чем есть православие?» И еще очень важное уточнение — «покупается счастье страданием». Сказано просто и одновременно очень сложно.

На наш взгляд, автору важно показать глубоко личное через страдание, восхождение души к Богу. Согласно православию, Бог, как известно, дал самое главное человеку — свободу выбора, предоставил святое право самому решать, с кем быть — с Богом или с его противоположностью. Поэтому никакие наставления Сони, ни мольба матери и сестры, ни давление Порфирия Петровича, умнейшего и тактичного «законника», ни даже припадание к земле по совету Сони и совместное чтение Евангелия, по-настоящему не трогают душу героя, утонувшую в глубочайшей гордыне. Вот тут-то и важно уточнение самого писателя о том, что покупается счастье страданием. Только перестрадав, переболев, пройдя долгий и мучительный путь внутреннего раскаяния (а Раскольников, как мы помним, действительно болел перед своим духовным воскресением), человек может вновь обрести благодать. И этот момент наступает в самом конце романа, в конце эпилога, когда герой бросается к ногам Сони и осознает не просто глубокую любовь к ней, но и свою личную глубокую вину в том, что принес ей много горя, и одновременно потребность в духовном единении душ. Духовная победа Раскольникова — победа над внутренним индивидуализмом и гордыней, и это, несомненно, развитие той идеи, которая была заложена Пушкиным еще в «Цыганах».

Теперь необходимо внимательно прочитать текст, поскольку, на наш взгляд, здесь как раз скрыт очень важный сверхтекстовый смысл:

«Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени... В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута...» [1. Т. 6. С. 152—153].

Здесь очень важен именно этот эпизод, когда герой перестает понимать (т.е. происходит нечто, что выходит за грань разума). Происходит то, что можно назвать Божьим прикосновением, и случается это именно «вдруг». Это «вдруг» — величайшее открытие Достоевского, мгновение соприкосновения души с Богом и обретение утраченной благодати. Роман приблизился к своему настоящему фи-

налу. Герой перерождается в тот момент, когда чувствует в себе радость единения с ближними — сначала с Соней, а затем и с окружающими его людьми — падшими, преступившими, такими же, каким был и он: «В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково» [1. Т. 6. С. 152—153].

Сложный путь героя — это путь от своей гордыни к единению с людьми, путь к любви, к тому, от чего он отгородился еще в детстве, если вспомнить эпизоды из сна, когда ребенок, пожалевший несчастную лошаденку, тем не менее, уже с гордым презрением смотрел на пьяных посетителей кабака. Полагаем, что случившееся с Раскольниковым — скрытая схема пути самого автора. Истоки преступления — в глубоком детстве, когда ребенок позволяет себе отгородиться еще пока несознательно от ближних. Возможно, поэтому самое начальное соперничество (а может быть, и начальная стадия перерождения Раскольникова) обращено к пьяному и неприятному Мармеладову, и происходит это в традиционно греховном месте — в кабаке.

Достоевский имел редкий дар, который связан, с одной стороны, с его генетикой, с характером его психики, с другой — с теми особенностями воспитания, которое он получил в семье. В его сложном характере сочетались черты как отца, так и матери. Врачи предполагают, что развитие болезни, называемой впоследствии эпилептоидными припадками, во многом досталось ему от отца, предвестниками болезни были повышенная чувствительность, болезненная обидчивость, болезненная ревность, страстность и внезапно случающиеся приступы тоски. В сочетании с сострадательностью, повышенной чуткостью к чужому горю и умению гениально словесно выражать свои мысли это в конечном счете создало уникальный «достоевский» феномен — и как писателя, и как человека. Врачи в разные времена отмечали весьма редкое и своеобразное эпилептическое состояние писателя. В частности, всегда подчеркивалось, что его болезнь не вела к слабоумию, а напротив, граничила с редким даром понимать и воспроизводить в своих произведениях глубины человеческого характера.

Исходя из данного факта, предпримем следующие обобщения. Любая болезнь, помимо физических ощущений, имеет еще и духовную природу. Очевидно, писателю как никому другому было дано временами ощущать это самое прикосновение к себе Божьей благодати. Описав свое знаменитое «вдруг» в первом романе «великого пятикнижия», он уже в следующем произведении «Идиот» попытается подробно осмыслить психологическое состояние своего героя князя Мышкина непосредственно перед надвигающимся припадком. Обратим внимание не просто на содержание этого высказывания, но и на стиль и глубокий духовный свертхтекст размышлений:

«Он задумался, между прочим, о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень его почти перед самым припадком... когда *вдруг* среди грусти, душевного мрака, давления мгновенно как бы воспламенялся его мозг и с необыкновенным порывом напрягались все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молнии, Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясней,

гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствием той окончательной секунды (никогда не более секунды), с которой начинался самый припадок... В том, что это действительно «красота и молитва», что это действительно «высший синтез жизни», в этом он сомневаться не мог» [3].

Писатель мистически чувствовал и был способен осмыслить это самое таинственное и благодатное прикосновение. Однако дальше следовало погружение в мучительную бездну припадка. Сражение за человеческую душу происходит постоянно, и весь вопрос в том, насколько достойно человек окажется способным выдержать бесконечную битву со страстями. Все творчество и особенно пятикнижие — это путь самого писателя, который, в отличие от многих своих персонажей, оказался способным на преодоление своих собственных многочисленных греховных страстей и желаний.

Общеизвестно, что Достоевский в течение всей жизни преодолевал много разных грехов — ненависть к отцу, болезненную страсть к рулетке, импульсивность и нервозность в отношениях с первой женой, чувственную и эгоистичную, мучившую долгое время любовную страсть к Аполинарии Суловой, жесткость к своей любимой жене Анне Григорьевне и т.п. Всегда, тем не менее, осознавая, что есть грех, а что — благо, писатель в конце концов, по убеждению исследователей, пришел к искоренению мучивших его страстей. Помогли и собственные молитвы, и молитвы Анны Григорьевны.

Художественное творчество писателя было тоже своего рода неким преодолением. Стремление изобразить «положительно прекрасного человека» не покидало его всю жизнь. Роман «Преступление и наказание» был завершен очень показательно:

«Но тут уже начинается новая история — история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомство с другою, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью» [1. Т. 6. С. 154].

Итак, и герой, и автор были фактически в начале нового пути. Второй роман «Идиот» завершился, по признанию самого автора, неудачей. Роман «Бесы» и вообще погружен во мрак. На наш взгляд, очень важно следить за тем, что именно происходило с самим писателем. Период создания этих романов — период бесконечной внутренней борьбы с собственными страстями, грехами. Однако во всех этих романах просматриваются смутные попытки изображения положительных характеров. Это проявлялось либо в виде конкретных характеров, ярких или схематичных, либо упоминаниях о них: князь Мышкин, игумен Пафнутий (роман «Идиот»), Тихон (пропущенная глава, роман «Бесы»), Макар Долгорукий («Подорожник»). Все названные персонажи либо упоминания о них не выглядят, тем не менее, совершенными и полноценными. Они либо сюжетно неубедительны (Мышкин), либо не вписываются в общую логику повествования (Тихон), либо не могут стать стержнем повествования (Макар Долгорукий). И только в «Братьях Карамазовых» эта попытка в наибольшей степени увенчалась успехом. Образ старца Зосимы выглядел вполне убедительным; он был уместен и сюжетно, а самое глав-

ное — оказался способным стать структурным стержнем романа. Когда же это произошло? Именно тогда, когда сам писатель наконец-то преодолел изнуряющие его грехи. Но, тем не менее, образ Зосимы в «Карамазовых» — только начало его внутреннего возрождения. На наш взгляд, самое важное сочинение Достоевского в этом плане — его знаменитая речь на открытии памятника Пушкину и то впечатление, которое она произвела на окружающих. Это был не просто подарок истинного Пушкина России и русскому народу, осмысление всего того самого важного, чем был дорог его великий предшественник России и всему миру, но и собственное осмысление самых дорогих, ценных человеческих качеств, которые определяют истинную «положительность» и формируют человеческое достоинство. А далее была смерть — это было обратное состояние описанного припадка — мучительный уход — и светлое, благодатное, умиротворенное выражение лица после ухода, по свидетельству его жены, верного и преданного друга.

Таким образом, многочисленные факты («аксиомы») Ф.М. Достоевского как «биографического автора» приобретают характер обобщений через поэтико-философскую аргументацию текстовых и сверткестовых реалий писателя, а «дедуктивный поиск» выступает в качестве необходимого и весьма полезного «инструмента» для поэтико-философской аргументации многих и многих деталей многомерного и сложного «достоевского» текста.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 20 т. — М.: Терра, 1998. — Т. 6.

«THE DEDUCTIVE METHOD» OF POETIC AND PHILOSOPHIC ARGUMENTATION IN THE DETAILS OF “DOSTOEVSKY’S” TEXT (to the problem of teaching russian literature as non-native)

L. Hvorova

Chair of the Russian language and methods of its teaching
Institute of philology
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Internatsionalnaya str., 33, Tambov, Russia, 392018

The article checks the functioning of details of «the biographic author» in the united space of an artistic, namely “Dostoevsky’s” text is by a deductive method. This technique expresses an original idea about the essential role of a biographic method in literary criticism as the “basis” for deductive search of the key poetic and psychological features. These features define both substantial and formal components of a certain literary text as a complete spiritual and cultural phenomenon.

Interdisciplinary synthesis of rhetoric, literary criticisms, psychology, to some extent medicine, and methods of teaching Russian literature to foreigners with different cultural orientation is embodied in the article.

Key words: argumentation, text, axiom, generalization, deduction.